

НАД РЕКОЙ, НАД СИНИМ СОЛНЦЕМ: О КОРОТКОМ СПИСКЕ ПРЕМИИ «ЛИЦЕЙ-2024»

ИВАН РОДИОНОВ
Литературный критик,
блогер, редактор. Родился
в 1986 году в г. Нотово
Волгоградской области.
Публиковался на порталах
«Год литературы» и «Горький»,
в журналах «Новый мир»
и «Юность», в «Россий-
ской газете» и «Литера-

турной газете» и еще в двух
десятилетиях СМИ. Автор книг
«сЧетчин. Путеводитель
по литературе для продол-
жающих» (2020) и «На дно,
и звездам. Заметки об отече-
ственной литературе 2019–
2021 годов» (2022). Обла-
датель премии «_Литблог»
(2021) от «Большой книги»

за лучший ниндзя-блог года
и премии «Гипертенст» (2023).
Член Большого жюри премий
«Национальный бестселлер»
(2021), имени В. Катаева
(2022, 2023) и «Ясная
Поляна» (рабочая группа,
2022, 2023). Член жюри
номинации «Выбор блогеров»
премии «Лицей» (2022, 2023).

Прозаики-финалисты «Лицея-2024» – по жюри велению или просто совпадению – подобрались так, словно поставили себе целью дать максимально разнообразные тексты. Каждый будто отвечает за один извод современной российской прозы – а вместе выходит почти полноцветье. Как писал Конан Дойл в «Этюде в багровых тонах», «по одной капле воды человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того, ни другого и никогда о них не слышал».

Кроме того, любопытно, что авторы, продолжающие темы/жанры, уже изрядно «объезженные» (автофикшен, тотальный травматический опыт и т. д.), представили на премию, на мой вкус, тексты несколько вторичные. Те же прозаики, что рискнули и избрали неожиданное, новое или хорошо забытое старое, смотрятся в целом свежее и предпочтительнее.

НАТЕРИНА ГАШЕВА, «СИСТЕМНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ»

В романе Гашевой две сюжетно-временные линии: поздний Советский Союз и нулевые-десятилетия. С одной стороны, нарочито некрасивый, но в чем-то обаятельный дом Солнца: хиппи, флэты, фенечки. С другой — студенты-околонеформалы. Постсоветская эпоха и люди смотрятся пожиже, чем их предшествующая. Как копия среднего качества. Две сюжетные линии немного переплетаются, но основная связь между ними, как в «Анне Нарениной», все-таки внутренняя, наглядно-символическая.

Все это замешано на обилии персонажей, а также дополнительно перебивается снами и флешбэками. По итогу выходит любопытный морок, как от огня бегущий от любой приподнятости или романтизации. Все эти разговоры на кухнях и в подворотнях, вечный роковой дым сигарет, попойки, даже неловкие оргии и так далее работают на тяжелое

настроение текста сильнее, чем какое-либо сверхнатуралистичное физиологическое насилие.

В целом «Системные требования» — проза злая и беспощадная, где каждый видит в каждом потенциального мертвеца. Но осталось немного почти всем. Еще бы: перед нами битые изломанные герои в битой изломанной стране.

ДМИТРИЙ СЕРНОВ, «ОБЫКНОВЕННЫЕ ЛЮДИ»

Пожалуй, самая странная книга короткого списка (и это при живом Денабреве). Четыре цикла рассказов. Девушка Женя в наушниках бродит по городу и завязывает разговоры с другими людьми. Парень ищет себе героев и покупает рыбок. Девушка Саша хочет узнать, для кого горит свет в окне напротив. Как-то раз у героя заболело сердце, и с тех пор все его мысли и ощущения обращены к собственному здоровью. Еще в сборнике много асфальта, русалок, кофе и разговоров с сомиками, лампочками и опухолью (что?).

Нет, на самом деле концепция сборника вполне читается. Вопреки названию, никакой Салли Руни тут нет (разве что на уровне побочного послания о том, что нормальность и обычность — не то, чем кажутся). Скорее, здесь есть что-то современно-скандинавское — культ уютной цветущей простоты. Когда из нарочито ординарного прорастает неожиданная сложность, а самые важные события происходят не во внешнем мире, но внутри человека. По крайней мере, так задумано.

Из плюсов. В тексте определенно есть некоторая поэзия в духе «Вина из одуванчиков» — особое восприятие мира героями, своеобразная авторская оптика, уютный туман ассоциативных связей. С другой стороны, нет-нет да и промелькнет то какая-то энзюперিশная сентиментальность, а то и вовсе некая бесплотная и красивая многозначительность в духе, извините, Ноэля.

В любом случае, выход за рамки — это всегда как минимум интересно.

ОЛЬГА ХАРИТОНОВА, «ЧУЖАЯ СТОРОНА»

Сборник рассказов Харитоновой можно тематически разделить на две части. Первая — лирическая, импрессионистская. Вторая же отталкивается от ранней постсоветской интеллектуальной фантастики (например, текстов Евгения Лунина) и продолжает ее на новых социопсихологических реалиях. Что, если смешать фантастику, чуть ли не киберпанк, с приземленным реализмом в духе деревенщинок? Будет некое фантастическое допущение, чаще только одно, а герои будут вести себя ультрареалистично. И реализм в итоге сильно приземлит любое нереальное.

Деревенской школе, которой грозит закрытие за недокомплект, выделяют детей-ботов? По итогу ей не очень поможет и это. О чем мечтает простой человек-трансформер, умеющий превращаться в спортсмена? О том же, что и мы.

Что-то, наверное, может заметить, что в сборнике превалирует популярная нынче тема «телесности». Мол, обмен телами в рассказе «Хэппи бади» — метафора неудовлетворенности людей собственной физиологией, а превращение человека в гоночный болид — чуть ли не символическая пластическая операция или чего похлеще. Думается,

такое мнение — аберрация на популярных темах и натягивание совы нуда не надо. Все проще и традиционнее: инаковость «чужаков» (ноими все мы в какой-то степени и являемся) предполагает изгойство и выход за рамки. И контрапункт сборника — старое недоброе взаимное отчуждение людей. А фантастические элементы, как и внезапные сюжетные эпидемии, только резче это подчеркивают.

Но гуманизм все-таки побеждает. И это хорошо.

АСЯ ДЕМИШНЕВИЧ, «ПОД РЕКОЙ»

Потенциально это сильный текст, автор умеет многое и по-разному. Однако в «лицейской» версии книги (возможно, она не окончательная и (или) сокращенная) просматривается важная проблема. Повесть будто не определилась, какой именно ей быть, и оттого ее бросает из стороны в сторону. Или другое — она хочет охватить слишком многое и сразу, притом на малом объеме и в рамках локальной истории.

Взять, допустим, стиль. Порой это хорошая тягучая готика. И атмосфера маленького городка и моря местами выписана так, что располагает к беззаботности и безысходности одновременно. Будто ранний Катаев решил писать в духе Эдгара По. А порой темп становится очень торопливым, бешеным, без «воды» и ветрил. Будто существует некий «Пиши, сокращай» для прозаиков, и автор пишет по подобным лекалам. Ни в том ни в другом подходе ничего плохого нет. Но они, увы, плохо сочетаются.

Или содержание. Наверное, только ленивый не будет сравнивать «Под рекой» с «Детьми в гараже моего папы» Анастасии Максимовой. Действительно, общего много — от темной семейной тайны об отце до попытки как-то жить с этим страшным знанием. Но у романа Максимовой есть строгие жанровые рамки, за которые он не выходит: это психологический триллер с элементами «социалочки». Сочетаются ли триллерная составляющая с определенными актуальными посланиями? Вполне. А оноложная готика с месседжами про семейное насилие и психологическую нестабильность? С коробками с вожжами? Не очень. Оттого попытки в сюжетную интригу или мотивацию выглядят странными: если герой — иррациональный злодейский злодей, то зачем тогда объяснялки? Тем более в финале не будет ни твиста, ни доворота.

Но когда Демишневич захватывает именно история, когда она ничему не учит, ни на что не намекает и ничего не объясняет, но просто рассказывает увлекательную и страшную историю, получается здорово.

ЕФРОСИНИЯ НАПУСТИНА, «ЛЮДИ, КОТОРЫХ НЕТ НА КАРТЕ»

Можно анкурратно предположить, каким текст виделся самому автору. Автофикциональный и отстраненный роуд-муви про опыт волонтерства в Гватемале, вероятно, должен был работать на контрасте — так перечисления, факты и обрывочные впечатления неожиданно прорастают горькой поэзией в ряду прозаических вещей Дмитрия Данилова.

И действительно, при поверхностном прочтении может показаться, будто перед нами объективная фиксация тяжелой гватемальской реальности, тот самый фотографический взгляд на действительность (что подчеркивается профессией героини), сквозь который периодически прорывается авторская боль за происходящее.

Однако, как говорится, гладно было на бумаге. Вышло же — вольно или скорее всего невольно — не так. Да, мы мало что узнаем о прошлом героини или, допустим, не читаем ее пространственных внутренних монологов. Но в тексте ее все равно много — оговорками, а то и прямо, — и оптика рассказчицы вполне проявляется. И, извините, перед нами предстает достаточно неприятная героиня.

Возможно, так и задумано — но это едва ли. Не хочется говорить штампами про «колониальную оптику», но это она и есть. Героиня — холодно-сентиментальная и при этом зацикленная на своих ощущениях. И, что самое спорное, она ощутимо любит себя, периодически изрекает различные «житейские мудрости».

Думается, из этого текста можно было бы сделать сильный, если всячески подчеркивать неоднозначность рассказчицы. Чтоб читатель понимал, что перед ним скорее антигерой. Но, увы, ничего подобного нет и, кажется, не задумывалось.

АННА МАРНИНА, «РЫБА МОЯ РЫБА»

Пожалуй, едва ли не лучшая книга в коротком списке. Небольшой сборник рассказов, среди которых нет проходных, необязательных. За плечами Марниной — поэтический бэкграунд и опыт детской прозы, и это благотворно повлияло и на ее взрослые прозаические тексты. Поэзия повлияла на точность и неочевидность деталей, а также на естественность интонации. Проза для детей — на компактность, умение рассказывать истории, отсекая необязательное.

Марнина использует в своих рассказах несколько фирменных приемов. Первый из них — «если нужно объяснять, то не нужно объяснять». Нам видны последствия случившегося, а причины его размыты: читатель не дурак, разжевывать ему ничего не надо. Кроме того, благодаря этому рассказы мерцают неочевидностью верного прочтения.

Еще один прием Марниной — всегдашний финальный твист, доворот. Без него рассказы могли бы рассыпаться или потухнуть, а так — нет. Таков, например, рассказ с элементами вербатима «Рыба моя рыба» — финал там необыкновенно пронзителен.

НИРА ЛОБО, «ХРОМАЯ ЛОШАДЬ»

Нажется, что этот текст — перевод с английского. И по общению героев друг с другом. И по их мотивациям. И по словарю: герой «уничтожает улики», называет сестру «занозой в заднице» (буквальная калька с «rain in the ass»), у людей «идентичные прически»... Нание слова, например, снажет приятелю житель Принамья после того, как подожжет сарай? Сомнительно, что «черт, сваливаем». Иногда думаешь: может, герои во все это дело играют? Нет, они серьезно — да и автор тоже.

Кроме того, этот текст не причесан и местами сомнителен просто с точки зрения языка — нас ждут ворох необоснованных инверсий, плеоназмов («мы были основным ядром»), клише («звенящая тишина», «атмосфера в квартире была удручающей» и т. д.).

Наконец, референсы. «Заводной апельсин», «На игле» или «Бойцовский клуб» — хорошие книги, но отсылки к ним воспринимаются уже не аллюзиями на литературу, а фан-сервисом поп-культурных (вовсе не контр-культурных) явлений. Потому что многое в книге романтизировано,

по-детски неформально, а не грязно. Очевидно, а не странно. Да, местами обаятельно — но не больше.

Все бы ничего, если бы «Хромая лошадь» вышла в популярной серии для подростков, а героев звали Том, Джереми и Рейчел. Однако эта книга подается как серьезная премиальная литература, а речь в повести пойдет про известную трагедию в пермском клубе. И добавить тут нечего.

АЛЕНСАНДРА РУЧЬЕВА, «ЗАВОДСКИЕ НАСТРОЙКИ»

Вопреки подзаголовку, это не роман в рациональном смысле, но цикл новелл, объединенных общим сеттингом и героями. Каждая из которых закончена. Что ж, это тоже жанр почтенный и традиционный, хотя сейчас и не слишком распространенный.

Обнадеживает и определение «производственный» в том же подзаголовке. Сколько раз постсоветские писатели пытались вдохнуть в производственный роман новую жизнь! Если отбросить постмодернистские деконструкции и переосмысления, а также маскирующиеся под будни «нового пролетариата» страдания менеджеров и иных офисных работников, удачные попытки оживить жанр можно пересчитать по пальцам одной руки. «Завод Свобода» Нсении Бунши... и что еще?

«Заводские настройки» в этом смысле — достойная попытка, удавшаяся лишь отчасти. Держится роман на очень обаятельном образе главной героини — она непосредственная, ироничная, немного ядовитая, искренне пытающаяся разобраться в том, что ей не очень-то по душе. Не только на техническом уровне, но и в понимании функционирования завода как сложного коллективного организма. Она дитя своих родителей, дитя Урала — и этого у нее не отнять. Наконец, героиня наблюдательна, по-хорошему любопытна, умеет дать емкую характеристику людям буквально двумя-тремя штрихами.

До настоящего производственного романа «Заводские настройки», конечно, недотягивают. Бог с ней, с каной-то сверхидеей. Увы, в книге нет выстроенной композиции, развития, цельности, да и обрывается все немотивированно (в художественном смысле). Создается впечатление, что у автора накопились рассказы-истории, а потом она приняла решение собрать то, что есть, в книгу.

В любом случае, спасибо автору за попытку.

ДЕНИС ДЫМЧЕННО, «РОПОТ»

«Ропот» — это две повести о становлении одного героя, нан бы собранные в одну. Любопытно, что у Дымченко традиционная автобиографическая трехчастная модель «детство — отрочество — юность» теряет первую часть. Ту самую, где должны быть «детства чистые глазенки» и непосредственно-невинное восприятие мира. А еще всякое «Детство» обыкновенно выступает в роли завязки этого самого становления.

У Дымченко все начинается сразу с кульминации — «Отрочества» (часть первая, «В кругу семьи и друзей»). Похороны бабушки, герой старается храбриться, напускать на себя цинизм, рефлексировать по поводу своей «черствости» в трагичных ситуациях, не принимая того, что это вполне нормальное поведение. Герой только появился перед нами — и уже надломлен. Любопытное ощущение.

Вторая часть повести, как и положено, развязка — «Юность» (у Дымченко — «А поля не было...»). Герой отпочковывается от семейного древа, отчасти теряет остроту восприятия мира и, говоря по-толстовски, «проваливается». Что опять-таки вполне закономерно. Хотя и немного скучновато.

Интересен и инструментарий автора. Дымченко берет буквально одну ноту — тоскливую, элегическую, в духе «но я люблю — за что, не знаю сам», — но берет ее хорошо. Детальки-штрихи очень необычные, убедительные, портреты и пейзажи — точные и одновременно вскользь, под углом. Малая форма, судя по «Ропоту», для автора — самое то.

РОМА ДЕНАБРЕВ, «ПОД СИНИМ СОЛНЦЕМ»

Денабрев ярко дебютировал в прошлом году романом «Гнездо синицы». Говорят, для молодого писателя вторая книга — самая сложная. Интересно, так ли это?

Скорее всего, так. С одной стороны, «Синее солнце» — это, извините за оксюморон, традиционный Денабрев. Принцип потока, ассоциативность, парафразы и перечисления, инкрустированные в текст таблички, перечеркивания и число Христа 888 вместо обыкновенного межглавного тройного астериска. И конечно, совершенная непонятность происходящего для неподготовленного читателя — и интеллектуальная радость для читателя-эстета.

С другой стороны, именно с фактором «непонятности массам» автор будто бы даже старается бороться. С этой целью он вводит в повествование героиню, которую «надо спасти». Ноторую он, как Вергилий, проводит по своим мирам. Ноторой он отдает и самостоятельное методичное познание его художественного мира. Она как Ватсон, с которым можем отождествлять себя и мы — движется на ощупь и, допустим, не знает, что такое квадрат-палиндром Sator. А все знает только повествователь-автор. Да разве ж он раскроет все карты?

Но за самую попытку протянуть читателю руку — спасибо.

